

ЧЕХОВ И МИХАЙЛОВСКИЙ

М. Д. СМОЛКИН

С Николаем Константиновичем Михайловским Чехов познакомился в 1887 году в Петербурге, в гостинице «Пале-Рояль», где в то время проживал Михайловский, возглавлявший отдел науки и критики обновленного журнала «Северный вестник». Познакомил их В. Г. Короленко. О самой встрече, что ее вызвало, как она протекала, будет сказано дальше, так же как и о письмах, которыми они обменялись.

До этого знаменательного свидания у Чехова произошло столкновение с «Северным вестником», который на сборник «Пестрые рассказы» откликнулся, как известно, топорной рецензией Скабичевского. В мемуарах, посвященных этому факту, Чехов изображен стороной только обиженной, жалующейся.

На самом деле А. П. Чехов своевременно ответил ударом на удар, скрестил свое оружие с оружием критики. Для истории полемики Чехова с народниками большой интерес представляет рассказ «Хорошие люди», до сих пор не до конца расшифрованный в этом плане.

Напомним: отзыв «Северного вестника» был помещен в отделе библиографии, где материалы печатались обычно без подписи. Не была помечена и заметка о «Пестрых рассказах».

Некоторое время Чехов приписывал ее Михайловскому. «Самую ядовитую ругань написал Н. Михайловский в июньской книжке «Северного вестника» (в отделе «Новые книги»)¹.

Через несколько месяцев после этого события, оставившего глубокий след в сознании Чехова, в том же 1886 году, появляется рассказ «Хорошие люди», написанный Чеховым.

В нем, не ожидая, пока похоронят писателя, который, по словам рецензента, «изводит себя медленной смертью газетного царства», Чехов вывел и похоронил в рассказе критика Лядовского, и так основательно, что, по свидетельству рассказчика, «тот был совершенно забыт».

Полное забвение критика в рассказе дважды подчеркнуто. «Могила была совершенно заброшена, сравнилась уже почти с землей, крест повалился...» (V, 243).

Полемическая суть рассказа погружена глубоко в спокойно-объективное повествование. Лядовский не Михайловский, а собирательный образ представителя либерально-народнической критики.

¹ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, Гихл., М., 1948, т. XIII, стр. 225. В дальнейшем ссылки на издание 1944—1951 гг. даются в тексте.

По-своему честный и убежденный, Лядовский, в то же время, сухой, узкий человек, влюбленный в свою догматическую программу, в свои идеи, заслонившие от него живую жизнь.

Лядовский застыл, окостенел в своей давно созданной программе, холодно и равнодушно относится к тревожным исканиям своей сестры Веры Семеновны, врача по образованию, пытающейся уяснить себе смысл идеи непротivления злу, как пытался уяснить ее себе в эти годы Чехов.

Критика толстовской теории, которую дает Лядовский, логична, умна, и, как знать, если бы критик был менее категоричен и более терпим, быть может, сестра осталась бы с ним, на его стороне. Ей нужно было время, чтобы во всем разобраться самой с помощью приемов, усвоенных через естественные науки, о которых брат, окончивший юридический факультет, говорит с нескрываемым презрением: «Вот что значит медицинский факультет, не дающий общего развития».

Лядовский торопит сестру, требует принять на веру его априорные рассуждения. Столкновение людей передано в рассказе через столкновение идей. Люди, сами по себе, — «хорошие люди». Между ними встало идейное непонимание и различие психологических обликов.

Сталкивая различные точки зрения и выслушивая их одинаково внимательно, писатель, по своему обыкновению, своей точки зрения непосредственно, прямо не высказывает.

И все же, несомненно, его сочувствие на стороне сестры, особенно в тот момент, когда она, до того такая скромная и незаметная, набравшись смелости, переходит в наступление против «мыслящих людей», которых занимают «вопросики», в то время, когда нужно посвятить себя «решению больших задач».

В рассказе обнаруживается узость и бескрылость общественной мысли, представленной Лядовским. «Мне кажется, что современная мысль, — говорит устами Веры Семеновны Чехов, — засела на одном месте и прилипла к этому месту. Она предубеждена, вяла, робка, боится широкого гигантского полета, как мы с тобой боимся взобраться на высокую гору, она консервативна» (V, 240).

Как и следовало ожидать от критика-народника, Лядовского преимущественно интересуют рассказы из деревенской жизни, хотя «сам критик был знаком с этой жизнью только по книгам и понаслышке». Мысль рассказов, которые рецензирует Лядовский, лежит на поверхности и предопределяет приемы критического анализа, приведенные тут же в рассказе.

Лядовский идет прямолинейным путем: от идеи рассказа к выводу о нем. Заранее известное, заданное сопоставляется с основной мыслью рассказов.

Логика отзывов выражена следующей посылкой: «прекрасный рассказ», так как «идея в высшей степени симпатичная». Все, что относится собственно к сфере искусства, выражает его специфику, что делает произведение явлением искусства, игнорируется Лядовским.

Рассказ «Хорошие люди» сделан до личной встречи с Михайловским. Это — взгляд на расстояние, стремление, так сказать, проникнуть в крепость противника с помощью художественной интуиции. Когда они познакомятся и узнают друг друга поближе, Чехов напишет Щеглову: «Михайловский не так противен, как Вы думаете, и не так страшен черт, как его размалевали нервы» (XIV, 89).

Представление о Михайловском изменится, но образ «холодного человека», угаданный в Лядовском, останется, пройдет через

многие рассказы в различных вариантах и сюжетных сочетаниях, от доктора Львова с его честной прямолинейностью до Лидии Волчановой.

Начиная с 1886 года, критика народничества, как системы мировоззрения и как эстетической системы, становится равноправной темой творчества Чехова. Но было бы, однако, ошибкой в позиции, занятой писателем, видеть лишь ответ на критику его творчества, а в нем — обиженного человека.

Ведь еще до появления рецензии Скабичевского, в мае 1886 года, вышел рассказ «Скука жизни», в который врывается полемика с народничеством, хотя рассказ написан на стороннюю, казалось, тему. И здесь раздается протест против идеализации народа, отстаивается мысль о необходимости писать о народе правду без прикрас.

«Александр Македонский великий человек, но стульев ломать не следует, так и русский народ — великий народ, но из этого не следует, что ему нельзя в лицо правду говорить» (V, 338).

Столь ироническую тираду несколько неожиданно произносит в рассказе отставной генерал, доживающий скуку жизни в усадьбе старухи-жены, занимающейся филантропической работой среди крестьян. Она устала от жизни, ей не до социальных вопросов.

Но то, что не нужно героине рассказа, очевидно, нужно и важно автору, волнует его, является областью постоянных размышлений и проявляется, часто неожиданно, в произведениях, не ставящих перед собой специальной задачи полемики с народничеством.

Такой внезапный полемический «прорыв» мы видим и в драме «Иванов». Образ лишнего человека Иванова сохраняет генетическую связь с его предшественниками в русской литературе. Время положило грань между Ивановым, с одной стороны, Печориным и Бельтовым, с другой. Те смело вступали в конфликт со средой, не признавали власти действительности над собой. Им по плечу были большие задачи, потому что и силы их были немалые. Замыкающий галерею лишних людей Иванов имеет в своей характеристике черты, идущие от либералов. В его биографию Чехов вносит школы и рациональные хозяйства, выступающие часто в рассказах Чехова при характеристике народников как своего рода символ ограниченной задачи на огромном пространстве родины. Иванов — человек восьмидесятих годов со всем тем, что пережило его поколение. У Иванова «спина треснула» от школ и рациональных хозяйств; он отрекся от увлечений молодости, превратился в проповедника футлярной жизни. Крах его общественной деятельности — одна из причин духовного надлома, да и личных неудач. Когда общественное начало в Иванове угасло, на первый план выступили его индивидуализм, его карикатурный гамлетизм. Он стал деятелем без деятельности, лишний человек превратился в ненужного человека.

Людьми не нужными, не пригодными к решению широких задач, выдвигаемых жизнью, считал Чехов и либералов в целом.

Не всегда разграничивая буржуазных либералов и либеральных народников, объединяя и тех и других в категорию людей фразы, а не дела, Чехов всегда резко и полемично отзывался о так называемых «носителях» наследия шестидесятих годов, или, как писал Михайловский, хранителях «заветов отцов и дедов».

В журнальном варианте рассказа «Именины», впоследствии несколько переработанном, выводится либерал, переживший шестидесятилетие и вспоминающий о них за обеденным столом, хотя, фактически, он никогда не имел ничего общего с тем временем, которое Чехов в письме к Плещееву назвал святым для него.

Здесь же, в рассказе «Именины», дано щедринское определение слова «либерал». «Либерал, — это тот самый поганый сухой гриб, который, если вы нечаянно дотронетесь до него пальцем, обдаст вас облаком пыли» (VII, 143).

Одновременно с критикой социологии народников Чехов спорит и с эстетикой их, показывая сухую логическую конструкцию произведений, лишенных яркой художественности.

В пародийном рассказе «Драма» осмеивается псевдоидейность массовой литературы, создаваемой интеллигентами для интеллигентов. Длиннейшее драматическое изделие мадам Мурашкиной оказывается грубым фарсом, действие которого происходит на фоне стандартных декораций, изображающих все те же неизменные школу и больницу.

Восьмидесятые годы были лишь годами назревания конфликта.

В девяностые годы, после Сахалина, критика народничества углубляется. Когда развернулась полемика между народниками и марксистами, от исхода которой зависело направление освободительного движения в России, Чехов, не примыкая ни к одной из спорящих сторон, пишет один за другим рассказы, поднявшие критику народничества на уровень больших общественных задач.

Вопреки тому, что писали мемуаристы и публицисты, близкие к Михайловскому, никакого сближения их идей в девяностые годы не произошло, никаких уступок Михайловскому Чехов не делает, а продолжает идти своим путем.

Все острее обнажается писателем разрыв между теоретической догмой и реальной жизнью. В «Мужиках» особое внимание уделяется материальным условиям жизни крестьян, обнажается нищета, темнота, обездоленность деревенской жизни и, на этом фоне, раскрывается большая степень восприимчивости, душевной чуткости людей, приехавших из города, особенно Ольги. В «Мужиках» общинного начала нет и в помине — оно полностью разрушено.

«Я сам против общины. — решительно заявляет Чехов в одном из писем, — ...община живет земледелием, но раз земледелие начинает переходить в сельскохозяйственную культуру, то община уже трещит по всем швам, так как община и культура — понятия несовместимые» (XVIII, 22).

В «Новой даче» раскрывается пропасть непонимания между народом и благонамеренной интеллигенцией.

Вторжение частной собственности в сферу семейных и родственных отношений, разрушительное влияние на человеческие судьбы с огромной силой правды выражена в «Овраге», повести, напечатанной в легально-марксистском журнале «Жизнь».

Критика «малых дел», начатая еще в восьмидесятые годы, сейчас вырастает в развенчание практической социологии народников, теории постепенного прогресса, которой противопоставляется у Чехова мысль о возможности исторического скачка.

Как бы непосредственно обращаясь к автору работы «Что такое прогресс?», автор рассказа «Крыжовник» заявляет: «Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли законность и порядок в том, что я, мыслящий человек, стою над ровом и жду, когда он зарастет сам, или его затащит илом, в то время, как, может быть, я мог бы перескочить через него или построить через него мост?» (IX, 274).

Рвать цепь, опутавшую народ, а не нанизывать на нее новые звенья — вот к чему звал рассказ «Дом с мезонином». В повести «Моя жизнь» ставится вопрос о необходимости воздействия на массу с помощью искусства.

По мере того, как русская жизнь приближалась к революции, народники все больше становились реформистами.

Иначе сложилась идейное развитие Чехова. Начав с отрицания возможности революции в России, он кончил ее утверждением, ее ожиданием. Глубоко проанализировав русскую действительность, собрав в десятках и сотнях рассказов огромное количество обвинительных улик, Чехов пришел к пониманию необходимости и благотворности радикальных перемен, выразив это в кратком, резюмирующем все его творчество высказывании: «Нет, больше так жить невозможно!».

Он пошел дальше и стал прислушиваться к голосам приближающейся бури, которую предсказал в «Трех сестрах».

Не только отдельными произведениями — всем творчеством своим Чехов противостоит народничеству.

Пока народники спорили о том, как далеко продвинулась Россия по пути капитализма, стараясь «обойти» объективные закономерности, пока они искали в России «страну Муравию», свободную от капиталистических отношений, и находили, что хотели то в русской общине, то в «народной», т. е. кустарной промышленности, Чехов в своих рассказах увидел русскую действительность во всех ее уголках и захолустьях, как действительность *буржуазную, капиталистическую* по всем основным ее свойствам и признакам.

В панораме жизни, развернутой Чеховым, перед нами проходят все основные классы и сословия старой России, за исключением промышленного пролетариата. Буржуа, дворяне, крестьяне, купцы, чиновники всех рангов, мещане, мастера, артисты, художники. Взрослые и дети. Женщины, мужчины. Калейдоскоп людей и судеб, русский вариант «человеческой комедии», показанной, однако, не в десятках романов, как у Балзак, а в сотнях рассказов. Огромное разнообразие картин, ситуаций.

Разные люди связаны между собой той реальной связью, которая заложена в самой действительности, каждый атом которой пропитан пошлыми, буржуазными, мещанскими отношениями. В пределах данного общества от этой жизни не скроешься в «футляр» и не уйдешь в мечту, как это пытался сделать герой «Черного монаха». Все несут на себе печать буржуазного общества. Трагизм человека — в условиях его существования.

В связи с этим интересно было бы проследить развитие темы денег в творчестве Чехова. «Рубль сей парус девятнадцатого столетия» появляется уже в первом рассказе — «Письмо к соседу». Она, эта тема века, пройдет почти через все рассказы Чехова к «Вишневному саду», где деньги — одна из пружин, направляющих действие.

Весь корабль современности идет под этим «парусом». Не только у кулаков и кабатчиков в деревне, не только в городе, как изображалось у некоторых народнических писателей, но буквально всюду и везде у Чехова деньги играют очень важную роль, и мораль рубля господствует в сознании самых разнообразных по своему социальному положению персонажей. Чехов проследил это влияние в мельчайших подробностях, в быту, в сознании, в сфере личных и деловых отношений.

В обществе, основанном на частной собственности, все является предметом купли-продажи: не только усадьбы, но и святое-святых —

любовь превращается в «брак по расчету», в «живой товар», как назвал писатель одну из ранних своих повестей.

Всеобщность денег, их разрушительная сила понята Чеховым очень рано. В пародии «Летающие острова», написанной в 1883 году, после слов: «Они сидели в герметически закупоренном кубе, в котором находился сгущенный воздух и препараты для изготовления кислорода», делается авторское подстрочное примечание: «Говорят, что без него жить невозможно. Пустяки. Без денег только жить невозможно» (II, 233).

Деньги нужнее кислорода, деньги составляют самый воздух эпохи. Народничество отрицало связь интеллигенции с материальными интересами общества. У Чехова связь эта выявляется весьма отчетливо. Продажность буржуазной интеллигенции, ее «сволочной дух» изображены рельефно, на многих примерах и фактах.

Но что действительно кладет резкую грань между Чеховым и школой народников — это последовательная защита материализма в известных философских письмах и, что еще более важно, материалистический характер отражения и изображения действительности в творчестве Чехова. Такая верность материализму в годы, когда даже многие естественники делали отступления в сторону философского идеализма, — большая заслуга Чехова.

От народников-эклектиков Чехова отличает признание причинной связи и обусловленности явлений, из которых самое малое вызывает нередко самое большое, понимание случайности как формы проявления необходимости, признание естественности исторического процесса, его независимости от воли и сознания человеческой индивидуальности.

То, что Михайловский называл у Чехова подчинением действительности, признанием ее власти, было на деле пониманием объективности и законосообразности исторического развития. В этом состоит особенность философии жизни и философии человека у Чехова.

Почти во всех работах о Чехове приводится одно место из повести «Моя жизнь». Мимо него действительно нельзя пройти. Своей социологической четкостью, своей терминологией оно кажется, на первый взгляд, неожиданным, особенно для тех, кто по традиции видит в Чехове только художника-бытописателя.

Но та же мысль высказана и в рассказе «Случай из практики». О рабстве XIX века с гневом говорится в рассказе «Припадок».

Перед нами — одна из нескольких общих идей, венчающих все творчество писателя, результат долгого и вдумчивого анализа современной ему действительности.

«Крепостного права сейчас нет, зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, также, как во времена Батя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным» (IX, 132).

Попытаемся прокомментировать эту чеканную формулу, полную глубокого политико-экономического содержания. Времена Батя — это феодализм. Затем называется крепостное право, на смену которому «растет капитализм».

Материализм Чехова приводит его к пониманию сменяемости исторических фаз как естественного процесса, отменить который не в состоянии «освободительные идеи», т. е. народнические идеи, ближайшим образом известные Чехову.

Далее. Один общественный строй сменяется другим, неизменным остается угнетение меньшинством большинства трудящегося народа, объективно выступающее, вследствие своей повторяемости, как закон частного-собственнического общества, действующий при капитализме, как и свы-

ше пятисот лет тому назад, с той, однако, разницей, что «мы придаем рабству утонченные формы».

Такое положение является ненормальным, говорится далее в повести, безнравственным. Нужно, «чтобы сильные не поработали слабых», нужно сделать «физический труд в качестве общей, для всех обязательной повинности».

Понимание объективного характера исторических закономерностей — основа объективной эстетики Чехова. Если общество развивается объективно, то и изображать его следует объективно, иначе картина будет искаженной и перспектива смещенной.

Субъективный же элемент проявляется в отборе и группировке образов, в ритме повествования, в настроении, проникающем рассказы и выражающем авторское понимание жизни. Иными словами, рассказ должен быть беспристрастно правдивым, объективным по своему содержанию и субъективным по форме.

Борьба с субъективной эстетикой была борьбой за полноту и бескомпромиссность изображения жизни, без чего не могло быть и правдивого, научного суждения о ней. Перестав быть до конца правдивым, искусство становится бессмысленным. Оно теряет и в своей художественности, ибо в правде заключена высшая красота.

И другие современные течения общественной мысли находились в сфере критического анализа Чехова. Ни одно из них не имело такого определяющего значения как народничество, в противодействии которому формировалась философская и эстетическая мысль Чехова. Конфликт с народничеством — основной конфликт в идейной жизни Чехова.

2

В критике либерального народничества историческая правда была на стороне Чехова. Из этого еще не следует, что в оценках Чехова, в отношениях к нему Михайловский всегда был неправ, что критик будто бы сыграл лишь негативную роль в жизни писателя, как об этом писали, а иногда пишут и в настоящее время.

Михайловский не раз предстал перед судом критики в связи с Чеховым. Одни оправдывали его, другие осуждали, третьи старались примирить.

Его нужно понять. Понять внутренние мотивы критических оценок Михайловского, рассмотреть факты по справедливости.

В прошлом сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», Михайловский, при всей ограниченности его либеральной позиции, оставался и в восьмидесятых годах видным представителем демократической критики, «великой исторической заслугой» которого В. И. Ленин считал то, «что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета»².

У Михайловского было много последователей и друзей, но еще больше было врагов, которые воспользовались ситуацией с Чеховым, чтобы свести счеты с ненавистным публицистом.

Из враждебной Михайловскому среды и вышла версия о духовной узурпации Чехова, благодаря «Новому времени», получившая широкую огласку и даже проникшая в провинциальную печать.

Дело дошло до того, что в несправедливых отзывах о Чехове стали видеть единственную причину его ранней смерти, забывая о других обстоятельствах, вызвавших развязку.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 99.

В статье Лоэнгринга «Михайловский и Чехов», появившейся через месяц после кончины писателя, можно было прочесть характерную для правой печати оценку отношений Михайловского к Чехову.

«Чехов выступил на литературную арену веселым и беззаботным, искренно смеялся и резвил (!?). Но это не понравилось Михайловскому. Какой тут веселый и жизнерадостный смех может быть, когда вокруг такое уныние?.. В этом натиске на талантливого писателя заключились элементы насилия над свободой творчества.

Прививка идей шла во-всю и критика радовалась этому обстоятельству. Еще год, еще два, будь жив Михайловский, может быть, к Чехову были бы окончательно привиты идеи.

Но Чехов взял и умер

Так прививка и осталась неоконченной»³.

Эпигоны «чистого искусства», опасаясь идейного влияния на Чехова, сводили спор к личному, к борьбе самолюбий: Чехов не признал идейного самовластия, диктатуры Михайловского, и за это критик преследовал писателя.

Исходя из наследия В. И. Ленина, в советском литературоведении спор Чехова с Михайловским получил методологическое объяснение. Все же нет еще достаточно дифференцированной оценки написанного разными критиками (Михайловским, Скабичевским, Протопоповым и др.).

Имея в виду также и Михайловского, «Семинарий по Чехову» утверждает, что народническая критика «объявила поход против Чехова, пытаясь в своих громовых статьях совершенно уничтожить, похоронить его как писателя»⁴.

В полемике не обошлось без крайностей с обеих сторон, но не стоит полемике сводить к крайностям. Михайловский не лицемерил, когда в одной из статей говорил о себе как о человеке, «всегда любовавшемся талантом г. Чехова, и тем более скорбевшем о том, как он применяется...»⁵

О сложном процессе притяжения и отталкивания Михайловского к Чехову пишет Короленко: «Отношение к Чехову Михайловского известно: он часто и с большим интересом возвращался к его работам, признавал огромные размеры его таланта, но тем суровее отмечал некоторые черты, в которых видел неправильное отношение к литературе и ее назначению»⁶.

При всей серьезности разногласий нельзя забывать, что это были расхождения внутри лагеря демократической интеллигенции. То был процесс исторического размежевания, происходивший в эпоху обострения противоречий капитализма, роста рабочего движения, распространения марксизма, оказавшего влияние на общественную жизнь.

При всей разнице во взглядах на жизнь и искусство, при всем различии жизненного опыта, характеров таких несхожих людей, как Чехов и Михайловский, из которых один шел от теории к жизни и был социологом, что накладывало отпечаток и на его критику, а другой — художником, которому жизнь с ее закономерностями открывалась в меру ее художественного изображения, у них — это тоже нельзя упускать — находились и сходные точки: сочувствие угнетенным, ненависть к реакции и самодержавию, защита человеческой личности и стремление выкорчевать остатки крепостнического гнета, а также, например, критическое отношение к толстовству, определившееся у Михайловского сразу, а у Чехова

³ «Южное обозрение», 1904, № 2579 от 15 августа.

⁴ Б. И. Александров, Семинарий по Чехову, Учпедгиз, М., 1957, стр. 42.

⁵ «Русское богатство», 1902, № 2, стр. 167.

⁶ Чехов в воспоминаниях современников, Гихл., М., 1952, стр. 74.

после пережитого им увлечения нравственно-этической стороной учения Толстого.

В то же время, при всей близости к Суворину, с которым Чехова одно время связывала дружба, они были далеки друг от друга по своей политической ориентации и социальным симпатиям.

Применительно к Чехову некоторые факты не взяты ещё в их противоречивой сложности. Отдельно, например, рассматривался вопрос об отношении Михайловского к Чехову и отдельно же сложный переплёт связей Суворина с Чеховым.

Между «Новым временем» и «Северным вестником» шла явная и тайная борьба за Чехова.

В статьях Буренина и Суворина — а это звенья одной цепи — читателям постоянно внушалось мысль о том, что «Новое время» открыло Чехова, «приютив его, вывело из неизвестности», в то время как радикалы-нигилисты хотят погасить талант, сдерживают свободу творчества требованиями идейности, тенденциозности.

В статье, посвященной защите драмы «Иванов», Суворин, высказав свое положительное отношение к пьесе, пересказав и прокомментировав ее содержание в духе известного чеховского письма к нему (тогда еще не опубликованного), переходит затем к общей характеристике чеховского таланта, подчеркивая те элементы, которые ему желательно было подчеркнуть.

Во-первых, бесстрастность. «Из всех молодых талантов это самый объективный, независимый. Объективность доходит у него иногда до бесстрастия.»⁷

Во-вторых, отсутствие тенденции. «Ничего отравленного какими-нибудь предвзятыми идеями нет у этого талантливое человека».

Имея в виду журнал «Северный вестник», Суворин писал, что Чехов не ходил к руководителям этого журнала на поклон, «не лазил к авторитетам журнализма за освящением своих личных начинаний».

В этом усматривается свобода и независимость писателя.

Чтобы окончательно поссорить Чехова с «Северным вестником», в статье Суворина припоминается и злополучная рецензия Скабичевского, на которой очень искусно и продолжительно играли.

Сложным было положение Чехова в конце восьмидесятых годов: писатель-демократ, он в силу ряда причин вынужден был пойти на участие в реакционной газете «Новое время». Работа в большой и распространенной газете сделала его имя известным широкому кругу читателей, улучшило его материальное положение, но в идейном плане шаг, сделанный Чеховым, нельзя не признать ошибочным.

Понимал ли Чехов, на что он шел, принимая приглашение Суворина, безошибочно почуявшего огромный беллетристический талант?

Кто из журналистов и литераторов не знал, что такое «Новое время»? Одни больше, другие меньше. Еще свежи были в памяти щедринские «Письма к тетеньке», где некая петербургская газета была названа «Помой», а ее издатель получил имя Иуды Искарюта русской журналистики.

«Надо полагать, после дебюта в «Нов[ом] времени» меня едва ли пустят во что-нибудь толстое... как Вы думаете?» (XIII, 180) — спрашивал Чехов у Билибина, и эти строки из его письма показывают тревогу писателя за свою репутацию и могут служить косвенным ответом на поставленный выше вопрос.

⁷ «Новое время», 1889, № 4649.

Большинство произведений, напечатанных Чеховым в «Новом времени», свидетельствуют о том, что Чехов оказался сильнее тонкого и политического Суворина.

Такие напечатанные там рассказы, как «Мечты», «Тяжелые люди», «На пути», «Верочка», «Дома», «Встреча», «Каштанка» и многие другие, стали классикой и воспринимаются современным читателем безотносительно к адресу, где были первоначально опубликованы.

Не так, однако, смотрела на дело современная Чехову прогрессивная критика. Отмечалось, что у Чехова стали появляться рассказы, выдвигающие на первый план в человеке биологическое начало, такие как «Тина».

Чехов отделял Суворина от «Нового времени», и только так мог его принимать.

Либерально-демократическая критика не всегда отделяла рассказы Чехова от «Нового времени», рассматривая их как бы сквозь желтую полосу газеты.

Эсхатологическая картина заката литературного подёнщика, отдавшего себя во власть «газетного царства», была нарисована Скабичевским как раз в то время, когда Чехов печатался в «Новом времени» и в безликой «Петербургской газете».

Именно «Новое время» встало ближайшим образом между Чеховым и Михайловским.

По временам «Современника» и «Отечественных записок» Михайловский привык считать, что писатель солидарен или, по крайней мере, несет моральную ответственность за направление того органа печати, в котором он принимает участие.

Обстановка изменилась. В годы реакции, после ликвидации «Отечественных записок», даже Салтыков-Щедрин вынужден был печататься в «Вестнике Европы», в «Русских ведомостях», сохраняя свое направление.

И все же нужно прямо сказать, что работа в «Новом времени» сужала идейное звучание и демократический размах творчества Чехова.

В отдельных произведениях писателя конца восьмидесятых годов объективность — это важное завоевание эстетики Чехова — иногда доходила до той опасной черты, за которой начинался объективизм, а представление о позиции автора, его отношение к отдельным персонажам становилось спутанным, затемненным (чтобы объяснить свое понимание Иванова Чехову понадобилось обширное письмо, но и оно не объяснило до конца этот образ, оставляющий широкое поле толкований).

Связь с «Новым временем», материальная зависимость от Суворина тяготили Чехова, вызывая недовольство узостью литературной среды, отдалявшей от народа, от тех подлинных нужд, о которых нужно было писать. Не радовала даже Пушкинская премия, которой он гордился, даже успех его произведений в «Новом времени», угрожавший ему славой модного писателя, чего он так не хотел и боялся.

Здесь — один из источников кризиса, выход из которого найден был на Сахалине.

Ни Григорович, ни Плещеев — никто из литературных друзей Чехова не предостерег его об опасности, исходившей от «Нового времени». Я. Полонский оправдывал свое участие во «Всемирной иллюстрации» примером Чехова, не затруднявшегося выбором редакционного адреса. Связь с «Новым временем», помимо воли и желания самого Чехова, становилась позицией.

Единственным авторитетным для него критиком, прямо и без обиняков осудившим связь Чехова с «Новым временем», был Н. К. Михай-

ловский. Он помог увидеть в истинном свете эту буржуазно-монархическую газету, и тем самым — способствовал разрыву.

В том, что эта заслуга принадлежит Михайловскому, а не кому-либо другому, нет ничего удивительного. Старый журнальный боец, в своих обзорах неустанно преследовавший фарисеев реакционной прессы, Михайловский хорошо знал расстановку сил в русской журналистике, понимал политическую игру Суворина.

Михайловский пытался воздействовать на Чехова двумя путями. Публично, через критические статьи, резкие, прямые, предостерегающие. В них ни словом не упоминалось «Новое время», зато постоянно говорилось о необходимости для писателя идейного самоопределения, без которого невозможно и творчество.

Расчет здесь мог быть таков: когда Чехов строго определит свой курс, а этого добивался от него Михайловский, отпадет само собою и «Новое время».

Второй путь, избранный Михайловским, ставил задачу личного влияния на Чехова. Для этого нужно было с ним познакомиться.

В феврале 1887 года Короленко проездом в Петербург делает остановку в Москве и лично знакомится с Чеховым. Когда затем он доложил редакции «Северного вестника» о своих более чем благоприятных впечатлениях от встречи и беседы с Чеховым, там выразили сожаление, что он сразу же не пригласил его к сотрудничеству в журнале.

В первых числах октября того же года следует вторая встреча двух писателей, почувствовавших взаимную симпатию.

После нее Чехов пишет Короленко письмо, в котором, по сути, признает свою ошибку с «Новым временем», хотя до разрыва с газетой еще далеко.

В этом смысле можно истолковать слова: ...«свою чистую музу я любил, но не уважал, изменял ей не раз и не раз водил ее туда, где ей не подобает быть» (XIII, 375; выделено мною. — М. С.).

В конце 1887 года произошла встреча Чехова с Михайловским, о которой упоминалось в начале статьи.

Дважды встречались Чехов с Михайловским. И оба раза в Петербурге. Мы знаем еще о встрече в конце 1892 года на литературном вечере у педагога и библиографа Ф. Ф. Фидлера, но первое свидание, происшедшее за четыре года до того, было самым значительным, самым памятным.

Из двух источников мы узнаем о нем: воспоминания Короленко и письмо Чехова.

Не трудно представить себе настроение Чехова, когда декабрьским утром шел он по Невскому в «Пале-Рояль».

До встречи Чехов и Михайловский знали друг друга по работам, личного контакта, столь важного, не было. Зато были предубеждения с той и другой стороны.

Чехову казалось (он говорил об этом тоном шутки), что критика представляет его себе «молодым человеком, выгнанным из гимназии за пьянство». Михайловский был дальновиднее того критика, который мог себе так представлять Чехова, но и он смотрел довольно скептически на современных ему молодых писателей, выступивших в восьмидесятые годы.

Можно не сомневаться в одном: оба были приятно разочарованы. В «Пале-Рояль» Михайловский увидел врача и писателя, человека воспитанного, сдержанного, молчаливого.

Михайловский не был холодным. По словам Короленко, он воодушевился, овладел разговором, проговорил с Чеховым четыре с поло-

виной часа. Содержание разговора Короленко не передает. Одна деталь указывает, что разговор литераторов касался литературы, текущей журналистики. Иначе присутствовавшая при разговоре А. А. Давыдова не получила бы возможности задеть Чехова «каким-то замечанием относительно одного из тогдашних его литературных друзей» (не Суворин ли?).

Беседа носила непринужденный деловой характер. Кроме Михайловского, редакция «Северного вестника» была представлена Успенским и Короленко — ведущими писателями журнала.

Жизнерадостность и уравновешенность Чехова мало гармонировали с душевным состоянием Успенского, болезнь которого давала уже себя знать. Короленко: «Глеб Иванович сдержанно молчал».

Для Чехова свидание с Михайловским — эпизод из расширяющегося круга петербургских знакомств. Тотчас же после встречи посылается сообщение брату в Москву: «Каждый день знаколюсь. Вчера, например, с 10½ часов утра до трех я сидел у Михайловского (критиковавшего меня в «Северном вестнике») в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили, дружески болтали» (XIII, 401).

Идейного сближения после встречи с Михайловским не произошло, но было положено начало сотрудничеству в «Северном вестнике», куда отдаются наиболее крупные и значительные произведения, открывающие новую полосу в творчестве Чехова: «Степь», «Скучная история», «Огни», «Именины», «Жена». Одни из указанных произведений не нравились Михайловскому, в других, как мы помним, содержались споры с либералами — все они, однако, нашли место в журнале, где родился новый для Чехова жанр идейно-философской повести.

Создается странное положение: в одно и то же время он дружит с Сувориным и встречается с Михайловским, печатается в «Новом времени» и в «Северном вестнике». Похоже на то, что Чехов, который не расстался с надклассовыми иллюзиями, на своем примере хотел доказать, что писатель-художник в своей объективности может стать выше добра и зла, подняться над журнальными партиями и всем, что за ними стояло.

Между тем, Суворин и Михайловский, люди полярных политических симпатий, не могли и не хотели делить между собой Чехова.

В «Новом времени» над Чеховым сгущаются тучи. Сменив милость на гнев, Буренин все чаще начинает пускать в Чехова ядовитые стрелы своей критики, а Суворин, который обычно читал корректуры статей для газеты, тем более буренинских статей о Чехове, ссылаясь на «объективность» «Нового времени», где каждый «свободно» может высказать свое мнение.

В свою очередь, Михайловский также предпринимает решительные шаги. Одно за другим пишутся два письма Чехову. В них напрямик ставится вопрос о разрыве с «Новым временем», о целенаправленности творчества.

Внутренне связанные со статьями, письма Михайловского к Чехову как бы открывают их подтекст, дают ключ к пониманию резких и отпугивающих статей, показывают, во имя чего они были написаны.

Прежде всего обращает внимание страстный, взволнованный тон первого письма, сочетающего острую критику с патетикой, с верой в высокое предназначение Чехова в русской литературе.

Холодная рука недруга не могла бы написать таких слов: «Но примите хоть к сведению советы человека, поседевшего на литературе, — не возвращайтесь ни на минуту на тот путь, с которого сошли, погибнете там»⁸. Нет, не «громить и хоронить», а скорее учить и наставлять хотел

⁸ «Слово», сб. 2, М., 1914, стр. 217.

Михайловский Чехова. И не вина его, а беда состояла в том, что, в отличие от Короленко, Успенского, «ученик» оказался столь идейно независимым, а учитель потерял право учить, так как и сам многого не мог понять и по-настоящему объяснить.

В письме Михайловского яснее чем в статьях чувствуется тревога за судьбу молодого писателя, который, по мнению критика, заблудился в лесу реакционной печати. Надо помочь ему обрести цель, выбраться на правильный путь, надо его спасти — и не медля!

«Много Вам от бога дано, Антон Павлович, много и спросится... Сила — это само собой. Но сила бывает мрачная (Достоевский) и ясная (Толстой до своего повреждения). Ваша сила ясная и в этой ясности ручательство, что злу она не послужит, не может послужить, за что бы Вы не взялись, чтобы ни задумали»⁹.

Чтобы у Чехова не оставалось сомнения, о каком «зле» говорится, критик поясняет, раскрывая цель письма.

«Я был сначала поражен Вашей неиспорченностью, потому что не знал школы, хуже той, которую Вы проходили в «Новом времени», «Осколках» и проч. Потом понял, что иначе не могло быть, — эта грязь не могла к Вам пристать. Школа, однако, сделала, что могла, — приучила Вас к обрывочности и к прогулкам по дороге не знамо куда и не знамо зачем. Это пройдет, должно пройти, Вы не будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдет и тогда берусь Вам предсказать блестящую будущность»¹⁰.

В первом письме Михайловского содержится характерная для его статей ошибочная концепция Чехова как писателя случайных впечатлений, не знающего цели, идущего «не знамо куда». Не сразу было понято им и значение «обрывочности» рассказов Чехова (эту точку зрения на маленький рассказ Михайловский делил со многими, например, с Григоровичем, побуждавшим Чехова написать роман).

Обратим внимание вот на что: все изъяны мировоззрения и творчества Чехова Михайловский объясняет «школой», т. е. «Новым временем».

Молодой оптимизм «поседевшего на литературе» Михайловского был преждевременен. Решимость порвать с «Новым временем» у Чехова еще не вызрела.

Советы Михайловского писатель воспринял как покушение на его независимость, как попытку вмешательства в его личные отношения с Сувориным.

Чехов решил отвечать Михайловскому.

А. Грузинский, заставший Чехова за составлением ответного письма, рассказывает, как письмо не слушалось его. Он рвал написанное, бросал в корзину и снова принимался писать.

Воспоминания Грузинского — единственная возможность восстановить в какой-то степени содержание утраченного чеховского письма к Михайловскому.

...«Чехов, — пишет Грузинский, — сообщал Михайловскому, что не чувствует никакой антипатии к «Новому времени», но если бы и чувствовал, не затруднился бы печататься там, потому что слишком многим обязан Суворину, чтобы уходить от него; когда он был слаб и неизвестен и страстно карабкался вверх, никто не протянул ему руки, никто не пришел на помощь: — это сделал Суворин.

⁹ «Слово», стр. 216.

¹⁰ Там же, стр. 217.

Прочитав письмо, Чехов добавил с досадой:

— Далось им «Новое время». Ведь поймите же, тут может быть такой расчет: у газеты 50 000 читателей; я говорю не о «Нов [ом] вр [емени]», а вообще о газете. — этим пятидесяти, сорока, тридцати тысячам гораздо полезнее прочитать 500 моих безвредных строк, чем те 500 вредных, которые будут идти в фельетоне, если своих я не дам. Ведь это же ясно! Поэтому я буду писать решительно в каждой газете, куда меня пригласят...»¹¹

Контуры чеховского письма, обрисованные Грузинским, проглядывают из второго письма Михайловского. Некоторые фразы в нем, взятые в кавычки, несут характер цитат. Из второго письма Михайловского, в высокой степени принципиального и строгого (сравнений с Толстым в нем уже нет), видно также, что стремление Чехова как-то оправдать свое участие в «Новом времени» приводит к утопическим надеждам «улучшить» газету, вытеснив своими рассказами «ругательные фельетоны».

В презрении к нововременским публицистам Чехов и Михайловский сходились. Расхождения начинались там, где вступал в силу вопрос, может ли честный писатель участвовать в бесчестном органе, приносят ли в этом случае его рассказы добро или зло?

Со всей убежденностью выступает Михайловский против распростиравшейся в восьмидесятые годы теории индифферентности писателя, доказывая Чехову, что его рассказы привлекут новых подписчиков, которые одновременно станут и читателями фельетонов Буренина, «Жителя» и компании.

Не представляя достаточно броского материала для критических проработок Михайловского, второе письмо к Чехову не пользуется вниманием современных исследователей. Оно даже не упомянуто в «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова», видимо, как не имеющее отношения к жизни и творчеству Чехова.

Напечатанное в сборнике, выпущенном около полувека назад и ставшем библиографической редкостью, письмо Михайловского заслуживает по своему значению того, чтобы быть приведенным полностью, тем более, что это краткое письмо.

Вот что писал во втором письме Михайловский Чехову: «Извините, что не скоро ответил Вам, уважаемый Антон Павлович, — был очень занят, как это всегда бывает перед выходом книжки.

Не скрою, что Ваше письмо меня огорчило, до чего Вам, впрочем, конечно, дела нет. Я ничего не могу возразить против отсутствия в Вас определенной веры, — на нет и суда нет. Не считаю себя, разумеется, вправе касаться Ваших личных чувств к Суворину...

Но позволю себе не согласиться с одним Вашим аргументом. Вы пишете, что лучше уж пусть читатели «Нового времени» получат Ваш индифферентный рассказ, чем какой-нибудь недостойный, ругательный фельетон.

Без сомнения, это было бы лучше, если бы Вы в самом деле могли заменить собой что-нибудь дрянное. Но этого никогда не будет и быть не может. Ради Вашего рассказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжные писания «Жителя», ни «патриотическая» наука Эльпе. Я думаю, Вы сами с этим согласитесь. Ваш рассказ поступит в общий котел, ничего собой не заменив и не изменив. Вы своим талантом можете дать только лишних подписчиков и стало быть читателей Буренину, Жителю, Эльпе, которых Вы не замените, и разным гнусным передовицам, которых Вы заменить и не пожелаете.

¹¹ А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам, составил Вал. Фейдер, Аcaдениа, 1928, стр. 100.

Колеблющиеся умы, частью благодаря Вам, въедятся в эту кашу и, привыкнув, найдут, что она не так уж дрянна, а уж чего дряннее!

Вы говорите об аристократической брезгливости ясной силы, не делающей чести ее сердцу. Здесь нет аристократизма, Антон Павлович, а сердце есть, сердце и участие к тем, кто по тяжелым обстоятельствам времени вынужден ежедневно питаться гнусностями. Не индифферентны Ваши рассказы в «Новом времени», — они прямо служат злу.

Простите пожалуйста.»¹²

Ответил ли Чехов на второе письмо Михайловского — неизвестно. Но пройдет некоторое время, полное глубоких и тревожных раздумий, и Чехов предъявит «расписку» в получении письма, ответит делом на слово.

Во-первых, последовала двухлетняя приостановка работы в «Новом времени». Далее, после Сахалина, под влиянием проясняющейся общественной жизни, а не только Михайловского, Чехов в 1891 году окончательно рвет с газетой.

И Михайловский еще дожидется того, что Чехов отвергнет «доброго» Суворина — всему свой черед!

Ближайшим поводом к разрыву послужила скандальная история с печатанием в газете повести «Дуэль», отданной туда Чеховым в счет долга Суворину, частично субсидировавшему его поездку на Сахалин.

Значительные размеры повести мешали уложить ее в обычный «субботник», и она шла через многие номера, вытеснив фельетонистов «Нового времени», поднявших бунт против Чехова, лишившего их на время гоноров.

Наблюдавший сцену с натуры, Александр Чехов сообщал брату: «Никогда на твою голову не падало столько руготни, сколько теперь — после того, как твоя «Дуэль» заняла фельетоны вторников и сред. Маслов, Петерсон и все, кто только рассчитывал на помещение своих фельетонов, ругают тебя, как узурпатора, и даже высчитывают, сколько каждый из них потерял, пока будет печататься твоя повесть. Страдающий вечным духом руготни Дьяков подпевает им и произносит громовые речи о монополии. Словом, врагов ты себе нажил много. Так как в этом повинен не ты, а Суворин, то я бы посоветовал тебе «попросить доброго господина Суворина»... чтобы он уладил как-нибудь и освободил в пользу лающих и ворчащих хотя бы одну среду»¹³.

В ответ на это письмо и последовало знаменательное признание, перечеркнувшее связь Чехова с «Новым временем»: «Они мне также нужны, как и мое сотрудничество с «Новым временем», которое не пришло мне как литератору *ничего кроме зла*» (XV, 256, выделено мною.— М. С.).

«Ничего кроме зла» — не этими ли точно словами писал и Михайловский о данном предмете, не он ли предсказал, что Чехову ничего ни изменить, ни заменить в газете не удастся — не позволять.

После кончины Чехова (в живых уже не было и Михайловского, оба скончались в 1904 году), Суворин писал В. Розанову относительно фельетона последнего «Писатель и партия»: «Губить Чехова стал именно Михайловский. А Чехов был тем поэтом, который поет как птица, — поет и радуется»¹⁴.

Жаль, что Михайловский этого уже прочесть не мог, — ведь здесь признается влияние его на Чехова и кем признается — Суворинным.

¹² «Слово», сб. 2, М., 1914, стр. 217—218.

¹³ Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова, Госэкономиздат, М., 1939, стр. 249.

¹⁴ Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову, СПб., 1913, стр. 143.

Первая рецензия Михайловского на сборник рассказов «В сумерках» появилась в 1887 году. Последняя статья о Чехове — в 1902 году, и Михайловский обещал еще вернуться к более подробному рассмотрению его творческого пути.

На протяжении пятнадцати лет Михайловским о Чехове написано около десяти статей и рецензий. Редко которое из его литературных обозрений, посвященных современной литературе, обходилось без прямого или косвенного упоминания Чехова и его произведений.

Существует мнение, что характеристика творчества Чехова за такой длинный отрезок времени оставалась неизменной. Это неверно.

В статьях Михайловского намечено три периода в творчестве Чехова: восьмидесятые годы (до появления «Скучной истории»), девяностые годы, начиная с «Палаты № 6» и «Черного монаха», и девятисотые годы, когда «он дал широко задуманный и превосходно выполненный рассказ «В овраге». И это новый шаг вперед»¹⁵.

Не трудно увидеть, что периодизация творчества Чехова, впервые введенная Михайловским, осталась. Изменилось наполнение периодов, оценка отдельных произведений и творчества Чехова в целом.

Нельзя не заметить у Михайловского попытки исторического подхода к творчеству Чехова, особенно заметного в сопоставлении с чисто художественными и эстетическими оценками Чехова, преобладающими в то время.

Но здесь обнаруживается и ахиллесова пята социологической критики. Закрепив Чехова наглухо за эпохой безвременья, границы которой Михайловским были неправоммерно раздвинуты, рассматривая восьмидесятые годы исключительно и только как регресс, спад по всем линиям, критик лишил себя возможности увидеть Чехова в перспективе, как законного наследника великой русской литературы, традиций русского реализма.

В тех редких случаях, когда Михайловский сопоставлял Чехова с предшественниками (например, с Щедриным), из сопоставления получалось противопоставление. Так, правда, в ряде моментов отчетливее обнаруживалось своеобразие Чехова, творчество которого не укладывается полностью в рамки традиционного реализма, но и новаторство Чехова может быть более полно разъяснено в диалектическом понимании традиции как ее продолжение и как ее преодоление.

Чехов-писатель, формировавшийся в эпоху безвременья, ограничившую его идейный кругозор и обусловившую его индифферентизм, или, говоря современным языком, его аполитичность, — так представлял себе Чехова Михайловский.

Статья Михайловского о Чехове объединяет следующая идея: Чехов — талантливый писатель, но писатель без определенного мировоззрения. На этом противительном союзе «но» построены работы Михайловского о Чехове: «талант, но...»

Каким образом произведение может быть в одно и то же время талантливым и лишенным большой идеи — этого вопроса критик перед собой не ставил, как не ставился им и вопрос о соотношении творческого метода и мировоззрения, формы и содержания. Получался разрыв: форма чеховских рассказов ценилась Михайловским очень высоко, содержание обесценивалось.

¹⁵ «Русское богатство», 1900, № 4, стр. 140.

Один из принципов субъективной эстетики состоял в соответствии «между наблюдателем и наблюдаемым явлением». Иными словами, писатель должен изображать не всю жизнь, а только то, что отвечает, «соответствует» его идеалу. Вопрос о жизненности идеала оставлялся в стороне.

Чехов расширил сферу изображения. Он начал рассматривать жизнь с *близкого расстояния*, а потому и увидел такие подробности жизни, которые оставались незамеченными его предшественниками, давно уже стремившимися к показу «мелочей жизни», ее подробностей.

Имея дедуктивную идею, свое вполне определенное понимание жизни, Чехов старался проверить ее путем объективного и разностороннего исследования, не навязывая читателю готового вывода, чтобы этот вывод стал открытием самого читателя.

Когда-то Чернышевский увидел в маленьких, обрывочных рассказах Успенского «начало перемены» в русской литературе, выразившееся как раз в усилении объективности, правдивости.

Новым шагом в развитии русского реализма явилось творчество Чехова, поставившего целью рассказать «правду без прикрас» не только о народе, о крестьянстве, но и о *всей* русской жизни.

В искусстве, как и в жизни, не должно быть полуправды, правды наполовину; нельзя составить научное представление о жизни, что-то скрывающая и недоговаривая.

Не сопоставив рассказы Чехова с русской жизнью (таким образом из поля зрения Михайловского выпала политическая сатира Чехова), рассматривая их без внутренней связи, Михайловский лишь в 1900 году обнаружил их общую тему: «Беспробудная пошлость жизни, всех и все покрывающая плесенью, — такова общая тема старых рассказов г. Чехова, вошедших в состав нового сборника»¹⁶.

Встречаясь до Чехова с писателями более или менее субъективного склада, в той или иной форме проводившими в произведениях идейную тенденцию, Михайловский теперь встретился с художником, сделавшим объективность изображения основным законом творчества, стремившимся избежать субъективности, оставить за читателем вывод и суд над действительностью.

Михайловскому за свою долголетнюю жизнь литературного критика и публициста приходилось иметь, пожалуй, дело с писателями посложнее Чехова, но не было, можно сказать, в его практике писателя труднее.

Михайловскому раскрылся и жестокий талант Достоевского, и сложная противоречивость Толстого, а вот о Чехове он прямо признавался, что не может добраться до общей идеи в его творчестве: «До нее добраться не легко», — писал критик.

Правда и то, что задача эта осложнялась не только новаторским характером творчества Чехова, но и отсутствием собрания сочинений, в особенности же его писем, в которых — ключ к его жизни и творчеству.

Не отыскав ведущую идею в рассказах Чехова, Михайловский объявил ее несуществующей. Так возникла концепция писателя «без общей идеи», полученная путем простого уравнивания героя «Скучной истории» с автором повести (биографический прием — один из приемов субъективной критики. Биографией Лермонтова ранее объяснялась природа его героев. Теперь «биография» героя переносилась на писателя).

¹⁶ «Русское богатство», 1900, № 4, стр. 123.

Признав Чехова безыдейным писателем и стремясь его исправить строгостью, Михайловский не скупился на резкие оценки, которые отпугивали писателя и возмущают его исследователей. Но иначе и быть не могло: «безыдейный» писатель для Михайловского не мог не казаться «даром пропадающим талантом», а его творчество — «сумеречным творчеством» и т. д.

Считая реализм Чехова поверхностным, правдиво, но только с внешней стороны изображающим жизнь, Михайловский предупреждал, что и реализм, лишенный высокой цели, может стать «искусством для искусства».

Не называя прямо натурализма, Михайловский по отдельным признакам несомненно относил Чехова к этому литературному направлению, получившему широкое распространение в русской и мировой литературе последней четверти XIX века. Более того, он видел в Чехове главу новой литературной школы, с которой связывалось и господство рассказа в русской литературе, вытеснение им романа.

Беспристрастность чеховского изображения объявлялась Михайловским как бесстрастность, холодность, равнодушие к действительности, примирение с ней. Критик не заметил, что эта «холодность» всего лишь перевоплощение, рассчитанное на то, чтобы вызвать активность читателя, создать у него впечатление, что он имеет дело с жизнью, а не с автором и его субъективными взглядами.

Только две повести — «Скучная история» и «Палата № 6» — дали повод Михайловскому к постановке злободневных вопросов современности. Общественное, философское содержание других произведений (в том числе «Степи») оказалось нераскрытым субъективной критикой.

Убеждая читателей и убедив, по крайней мере, самого себя, что в маленьких рассказах Чехова нет большой идеи, Михайловскому оставалось восхищаться их художественной формой. Критик-публицист, как это ни звучит парадоксально, сходил то и дело на позиции эстетической критики, которую сам же с презрением отвергал.

Михайловскому мы обязаны рядом тонких замечаний о мастерстве и форме рассказов Чехова.

В статье «Н. К. Михайловский — литературный критик» Г. А. Бялый, отмечая в целом отсутствие у Михайловского понимания новаторства Чехова, в то же время указывает на некоторые характерные черты чеховского метода, зорко подмеченные критиком¹⁷.

В статьях Михайловского содержатся порою меткие наблюдения, верные констатации, сделанные тогда, когда Чехов только открывался читателям. Выводы же из этих констатаций, обобщения — неверные, ошибочные.

Сейчас повторяется как аксиома мысль о бесконечном разнообразии сюжетов Чехова, положившего предел их избирательности, сделавшего жизнь сплошным сюжетом.

Одним из первых это открыл не кто иной, как Михайловский, но вывод из этого был сделан в смысле индифферентности, безразличия писателя к разным по степени важности явлениям жизни, в смысле разбросанности, несобранности художественных впечатлений.

«С его точки зрения нет никаких оснований для расценки явлений жизни по степени их значения, ибо все они вытекают из одного источника и все равно заслуживают художественного воспроизведения»¹⁸.

¹⁷ В книге Н. К. Михайловский, Литературно-критические статьи, Гихл., М., 1957, стр. 35.

¹⁸ «Русское богатство», 1899, февраль, стр. 60.

Отмечены были в свое время Михайловским элементы импрессионизма в изобразительной технике Чехова, признанной виртуозной. Критика привлекали рассказы Чехова, «чрезвычайно смелые по части полутонов», ясные в своей недосказанности, открывающие читателям возможность довольствоваться «обрывками как целым».

«Все у него живет: облака тайком от луны шепчутся, колокольчики плачут, бубенчики смеются, тень вместе с человеком выходит из вагона»¹⁹.

От внимания критика не ускользнуло и новаторское раскрепощение писателем рассказа от обязательной фабулы и от «закругленных» концов.

«Чехов только завязывает узлы и никогда их не развязывает. Он покидает своих героев всегда в самую критическую минуту, когда коллизия их жизни достигнет высшей степени сложности и трагизма...»²⁰.

Отмечена была, правда в негативном плане, широта диапазона, демократическая представительность персонажей чеховских рассказов.

«Обратите внимание на пределы кругозора молодого Чехова: цирюльник, мелкий чиновник, сапожник, заскорузлый провинциальный купец, учитель уездного училища и т. д., — вот герои его смешных рассказов»²¹.

Если бы нужно было полемизировать с Михайловским, удивлявшимся мелкотемьем и незначительности героев чеховских рассказов ранней поры, можно было бы напомнить о натуральной реалистической школе русской литературы, крупнейшим представителем и последователем которой выступал Чехов в своеобразных условиях литературы конца века. Прежде чем подвести итоги русской жизни за век, нужно было заново пройти путь реалистического изображения жизни.

Через все статьи Михайловского, как вывод, повторяется мысль о талантливости беллетриста. «Г. Чехов очень талантливый писатель. В числе его маленьких рассказов есть поистине прелестные вещи, прелестные по технике живописи, а иногда и по задушевности тона»²².

В статье Михайловского перед Чеховым с необычайной настойчивостью ставился вопрос о необходимости соединения мастерства с идейностью, проблема мировоззрения.

В принципе вопросы, поставленные Михайловским, были актуальны для Чехова, ускоряли его *самостоятельные* идейные искания.

Михайловский мог влиять на Чехова не своими идеями, а своей идейностью, не своими убеждениями, а своей убежденностью.

Когда в первом разделе говорилось о жизненности многих идей, заключенных в зрелых произведениях Чехова, имелся в виду некий результат, сумма, состоящая из слагаемых, неодинаковых по своей ценности, по своему значению, имелся в виду итог, а не процесс развития.

Процесс же был сложным, противоречивым. Он берет свое начало не в ясном знании, не в сложившейся теории, а в сомнении, в скептицизме.

Крах народнической социалистической теории, не выдержавшей 1-го марта проверки на деле, вызвал разочарование не только в народнической теории, но и в социальной теории вообще.

Отсюда интерес к естественным наукам и своеобразная идеябоязнь, осторожность в авторском самовыражении, объективность, сначала по неволе, аскетизм интеллектуальной характеристики персонажей, заметный в первое пятилетие творчества Чехова.

¹⁹ «Русские ведомости», 1890, № 104.

²⁰ «Северный вестник», 1887, ноябрь, отдел второй, стр. 82.

²¹ «Русское богатство», 1900, IV, стр. 126.

²² «Русские ведомости», 1889, № 133.

С годами болезнь времени проходила, в излечении ее свою роль сыграли и статьи Михайловского.

Еще в 1883 году Чехов рекомендует брату Александру избегать «политико-экономических словоизвержений», определять внутреннее состояние персонажей по их внешнему поведению.

Через четыре года тому же адресату внушается нечто обратное, а именно: «Оригинальность автора сидит не только в стиле, но и в способе мышления, в убеждениях...» (XIII, 225—286). В письме от 1888 года писатель решительно осуждает поэтов «без знаний, без мировоззрения» (XIV, 16).

Трагизм человека без мировоззрения становится в это время одной из наиболее важных для Чехова тем.

Воздух «Скучной истории», напечатанной в «Северном вестнике» и горячо одобренной Михайловским, как электричеством, насыщенный идейными спорами, разговорами об искусстве, критикой критики.

И нет ли хотя бы частично «вины» Михайловского в том, что профессор Николай Степанович на старости лет, почти накануне конца, как-то заторопился, заспешил на пути к тому, что называется «общей идеей, или богом живого человека»?

В конце восьмидесятых годов писатель приходит к очень важному для себя выводу, что жизнь людей каждой эпохи познается и в жизни идей, что каждая эпоха имеет свой идейный облик, запечатлеть который обязан писатель-реалист.

Чехов ищет секрет сочетания субъективного и объективного в искусстве, ищет свой, особенный способ выражения идей без нарушения объективной природы образа.

Он пробует себя в жанре идейно-философской повести. Он пишет о толстовстве, о шопенгауэровском пессимизме, о свободе воли и о необходимости.

Одновременно ставится художественный эксперимент. Повести пишутся в двух разных ключах: одни — как того требовал Михайловский — с открытым публицистическим звучанием и строятся на споре-диалоге, который поверяется действием, иллюстрирующим выдвинутое положение, другие — «по Чехову». Философская идея в этой группе повестей раскрывается в сложном соотношении объективных персонажей и образа автора столько же в словах, сколько в атмосфере повествования, в каждой детали художественной ткани произведения.

Как известно, Чехов остался недоволен повестью «Огни». Задумываясь сейчас о возможных причинах такой авторской неудовлетворенности, видим, что при всей философской насыщенности повести «Огни» посвящены развенчанию шопенгауэровской философии пессимизма, безыдейности, она носит несколько иллюстративный характер. Рассказ инженера Ананьева служит подтверждением философского тезиса.

Во всяком случае, эту повесть нельзя поставить в один ряд с повестью «Скучная история», более лаконичной, в которой идея с неумолимой логикой раскрывается в самом движении сюжетных звеньев.

Сохранив в дальнейшем принцип объективности повествования в качестве закона творчества, Чехов находит способы сочетания его с началом субъективным, тенденциозным.

Свои собственные мысли, находящие часто аналогию в письмах, Чехов делит между различными персонажами, независимо от степени их положительности (Лопухин: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь»), между персонажами, которые часто оказываются ниже тех идей, провозвести-

ками которых они выступают. И рядом с этими чеховскими идеями те же герои говорят от себя, со всей характерностью их положения.

Мировоззрение Чехова нужно искать не в отдельных монологах героев. Все его творчество было выражением его мировоззрения как с общественной, так и с эмоциональной стороны, отражением его характера, его темперамента, его мастерства.

Когда оспаривалась нарочитость, предвзятость, враждебность Михайловского Чехову, мы сознательно вначале не прибегли к самому прямому и простому аргументу, а старались с помощью объективных фактов раскрыть сложность положения, схождения, расхождения.

Теперь раскроем письма Чехова и предоставим ему слово. Посмотрим, какого мнения был «обиженный» относительно своего «обидчика».

Читая письма Чехова, видишь, насколько он лучше, чем иные мемуаристы, понимал принципиальный характер разногласий. В его письмах нет жалоб на Михайловского. Идеи споры не накладывали печать на их личные отношения; когда речь шла о больших вопросах, Чехов умел вставать выше личных обид.

Прежде всего, из писем Чехова видно, что он внимательно читал Михайловского, прислушивался к его голосу. Не раз отмечалась Чеховым талантливость Михайловского-публициста.

Вот отдельные строки о Михайловском. Узнав о выходе Михайловского из «Северного вестника», Чехов высказывает сожаление об этом: «Откровенно говоря, мне грустно, что и Михайловский уже больше не работает в «Северном вестнике». Он талантлив и умен, хотя и скучноват был последнее время; заменить его Протопоповым или Impaktus'ом также трудно, как заменить луну свечкой» (XIV, 169). В письме к Плещееву: «Я никогда не прятался. Если я люблю Вас, или Суворина, или Михайловского, то я это нигде не скрываю» (XIV, 184).

Когда после ухода из журнала Михайловского «Северный вестник» стал направлять А. Вольтский, Чехов прекратил свою работу в нем.

В сборнике памяти Гаршина рядом со статьей Михайловского был напечатан чеховский рассказ «Припадок», имеющий нечто общее в понимании человеческого таланта Гаршина.

К. А. Коровин свидетельствует, что в ялтинском кабинете Чехова помещался портрет Н. К. Михайловского²³.

Все вместе взятое помогает понять итоговый отзыв, сделанный Чеховым в 1900 году: «Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему...» (XVIII, 368, подчеркнуто мною.— М. С.).

Это в письме к Якубовичу-Мельшину. И в том же письме предлагается издать библиографический указатель работ Михайловского и о Михайловском.

Чехов выдвинул кандидатуру Михайловского в академики, считал его избрание заслуженным и полезным для Академии, так как «...Михайловский положил бы прочное основание новому отделению и избрание его удовлетворило бы $\frac{3}{4}$ всей литературной братии» (XVIII, 294).

4

В конфликте Чехов—Михайловский следует различать две стороны: объективную и субъективную.

Субъективно ни одна из сторон не осознавала свое подлинное историческое положение в нем.

²³ «Литературное наследство», т. 68, стр. 554.

Михайловский свое мировоззрение считал передовым, себя — победителем в споре. Он писал, что у Чехова нет мировоззрения, нет веры, нет идеалов.

Под влиянием постоянных внушений Михайловского (и его многочисленных подголосков) Чехов, который охотнее признавал свои недостатки, чем свои достоинства, повторял: да, нет сложившихся мировоззрения, веры, идеалов. На деле это означало разное наполнение одних и тех же категорий. Под мировоззрением Чехов понимал не сумму книжных истин, годных на все случаи жизни, а представление о ней, вывод, сделанный из анализа фактов действительности.

Критерий истинности, правильности мировоззрения Чехов видел в действительности.

Если в семидесятых годах Михайловский писал о необходимости приведения идеала в соответствие с действительностью, то в дальнейшем действительность стала «приводиться» народниками в соответствие с идеалом, получившим у Михайловского эклектическое определение.

«Что такое идеал? Это такая комбинация элементов, которая удовлетворяет многим требованиям, при которой я чувствовал бы себя наилучше в данной области явлений: идеал красоты удовлетворяет эстетическим требованиям, идеал взаимных людских отношений — этическим, идеал общественного строя — политическим и т. д.»²⁴

Чехов, говоря словами Белинского, видел идеал не в украшении действительности, а в правдивом ее изображении, его идеал был наполнен конкретным человеческим содержанием.

В чем же состоит пафос, основная идея творчества Чехова, которую не мог вывести Михайловский? Полное и последовательное отрицание всего современного ему строя жизни во имя идеала гармонического человека, свободного и прекрасного во всех отношениях,— вот для чего писал и жил Чехов.

Будучи демократом по своим убеждениям и материалистом по своим философским взглядам, Чехов, художник-писатель, а не философ-специалист, не оформил, не выразил свои взгляды в виде стройной философской системы. Не присоединился он и к тому ведущему философскому течению эпохи, которое одно могло бы объяснить ему тенденции русской жизни, смысл его мучительных исканий.

В своем философском развитии Чехов шел от естественно-научного понимания природы и человека к естественно-научному взгляду на историю и человеческое общество.

В своем творчестве он подошел к выражению некоторых исторических закономерностей и некоторых законов диалектики, например, закона связи и необходимости явлений, случайности как формы необходимости, эволюции и скачка.

Не оформив все это теоретически, Чехов и сам не знал, не верил часто тому, как далеко ушел он вперед от народнической доктрины с ее субъективной, эклектической философией.

Отсюда сомнения, поиски, неудовлетворенность, толкавшие его на новую работу мысли, острая и часто несправедливая самокритика, боязнь остановиться в своем развитии.

Отсюда острое переживание разлада с либерально-демократическим направлением, которое в глазах Чехова, при всей критике его в рассказах, оставалось в какой-то степени выразителем интересов крестьянства, демократии, дорогих и Чехову.

²⁴ «Русское богатство», 1899, февраль, стр. 89.

Отражение внутренней тревоги Чехова и его разлада с народнической критикой находим и в «Скучной истории», и в «Чайке», где Тригорин говорит: «Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще и гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч. и проч. и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами...» (XI, 167).

Время рассудило Чехова с Михайловским и каждому из них отвело определенное место.

Ключом к пониманию объективного смысла конфликта служат известные работы В. И. Ленина о развитии капитализма в России, работы, направленные против народничества.

В последней четверти XIX века в России вызрели и сложились такие общественные и экономические отношения, которые потребовали выработки новой теории, такого социального учения, которое было бы способно объяснить и изменить жизнь.

В качестве одного из главных претендентов на такое всеобъемлющее учение выступила группа русских народников во главе с Михайловским.

Народники пытались приспособить теорию прогресса, выработанную Михайловским еще в конце шестидесятых годов, к новой обстановке тогда, когда теория эта и для своего времени носила отвлеченно-кабинетный характер.

К установлению истины Михайловский шел дедуктивным путем, подгоняя под готовую теорию все разнообразие и сложность действительной жизни.

Субъективно-социологический метод Ленин называл методом «отворачивания от фактов и сентиментального мечтания», «теорией мечтаний и компромиссов».

Русские марксисты начали с анализа фактов, а не с конечных выводов. Плеханов и Ленин не прилагали готовой марксистской теории к русской действительности, а веряли ее русской действительностью. В этом понимании действительности, как критерия для проверки истины, выжалась высшая научная добросовестность марксистов.

Чехов отвернулся от народников и не принял марксизма. Это бесспорно. Задача состоит в том, чтобы указать, в каком направлении развивался Чехов и где он остановился в своем философском и общественно-политическом развитии, которое прекращено было ранней смертью.

Определить по возможности точнее итог движения — значит показать меру его исторического прозрения и степень его исторической ограниченности.

Для этого недостаточно сопоставлять наследие Чехова с толстовством и народничеством.

Возникает другая важнейшая проблема — об отношении Чехова и его литературного наследия к марксизму, без чего не может быть и окончательно понят его конфликт с русским народничеством.

Объективное сопоставление таких разных явлений, как Чехов и русский марксизм, которого он не понял, может казаться неправомерным только на первый взгляд.

На самом деле постановка этой проблемы не только правомерна — она необходима.

Все знают, в какие годы жил и работал Чехов. И все же в нашем сознании (и в наших работах) он часто живет как писатель вообще второй половины XIX века, а не как писатель двух последних десятилетий века — эпохи развитых капиталистических отношений.

Чехов был современником Ленина, а не Чернышевского. Он видел то, чего не мог, по условиям своего времени, видеть Чернышевский. Отсюда, к примеру, перемена в отношении к общине у Чехова.

Вершиной общественной мысли в это время был не утопический социализм и теория крестьянской революции, а научный социализм и теория пролетарской революции.

По отношению к вершине определяется ценность всех других явлений русской культуры, учений и течений общественной мысли.

Материал для постановки темы «Чехов и русский марксизм» найдется, поразмыслить есть над чем.

Здесь вскрыется: и закономерность обращения Ленина к произведениям Чехова, и глубина социологических выводов Ленина из рассказов Чехова, и интересный отзыв ленинской «Искры» на рассказ «Человек в футляре», в котором газета (имея в виду, конечно, не партийную принадлежность) выразила свое отношение к Чехову определением: «Даровитый наш писатель»²⁵; и активный «нейтралитет» Чехова в дискуссии марксистов с народниками, которой были переполнены все газеты как событием первостепенной важности; и сближение Чехова с Горьким в девяностые годы и в начале девятисотых, в то время, когда Горький сближался с марксистами, и многое другое, о чем надо писать специально.

Здесь же в порядке дальних подступов к теме обратим внимание на некоторые бесспорные факты.

Задумывались ли мы над тем, что у Чехова и у марксистов оказался один и тот же идейный противник — народники? Что Михайловский обвинял Чехова по некоторым из тех же пунктов, которые предъявлялись и марксистам, а именно: упрек в безыдеальности, в забвении «заветов отцов и дедов», т. е. наследия шестидесятих годов, в материалистическом признании детерминированности действительности?

Мы отдаем себе отчет, что дискуссия народников с марксистами велась в другом, более широком социальном, философском и политическом аспектах, но есть все основания сказать, что в споре народников с марксистами Чехов, оставаясь самим собой, составляя свою особую «партию», был, по крайней мере, не на стороне народников, за что и подвергался с их стороны резкой критике.

Случайно ли непримиримое отношение Чехова к общине и тенденциозное изображение деревни, свойственное для «Мужиков» и других произведений Чехова?

Сторонники теории «аполитичности» Чехова и те, кто видели в Чехове художника-бытовика, объяснят это «стихийным реализмом», проявляющим себя вопреки мировоззрению.

На самом деле отгадку великих открытий и прозрений Чехова следует искать в эпохе, мировоззрении, методе Чехова.

Конфликт Чехова с народничеством был знаменем времени. Он указывал, что кризис народничества ощущался и немарксистами.

Подлинно научная теория находилась рядом с Чеховым. Он знал о ней, но, видимо, не знал ее. В то же время трезвое видение русской жизни мешало ему принять «возвышающий обман» философии народников. Отсюда сложность положения, сомнения, колебания, тоска по «научному методу», который Чехов отважно начал искать самостоятельно, пользуясь приемами, характерными для подлинной науки, в том числе и для марксизма.

²⁵ «Искра», 1903, № 32 от 15 января.

Выше указывалось на то, что Ленин выдвинул перед русскими марксистами задачу беспристрастного изучения русской экономической действительности, фактов.

Чехов не слышал этого призыва, но он чувствовал, что именно с этого нужно начинать, не доверяя готовым выводам и прежним теориям. Его метод был аналитическим. Как художник, Чехов в исследовании жизни шел индуктивным методом, подчеркивая необходимость «объяснить каждый случай в отдельности», «индивидуализировать каждый случай».

Чехов разошелся с народниками не потому, что знал марксизм, а потому, что хорошо знал русскую жизнь.

Картины русской жизни, беспристрастно и заинтересованно воссозданные Чеховым, в одном отношении имеют более контрастный характер, чем если бы их нарисовал писатель-марксист.

В самом деле, писатель, который всю жизнь так ревниво оберегал свою независимость и мечтал, в этом смысле, остаться «свободным художником», дал картину русской жизни, объективно подтвердившую научный анализ марксистов,— это ли не еще одно доказательство, что учение марксизма всеильно, потому что верно.

Взяв все лучшее, что оставил нам Михайловский о Чехове, оценив по заслугам его положительное влияние на писателя, нужно вместе с тем окончательно преодолеть концепцию «безыдейного художника», внесенную Михайловским и находившую в дальнейшем поддержку у критиков самых различных школ и направлений.

С Михайловского начался в критике тот разрыв между мировоззрением и творчеством Чехова, который и по сей день по инерции невольно дает себя знать в недостаточном внимании к мировоззрению писателя, в преобладающем интересе к его художественному мастерству.

Когда будет создана работа, посвященная мировоззрению Чехова, когда в закономерном единстве будут рассмотрены его философские, общественно-политические и эстетические взгляды,— только тогда в полный рост встанет великий художник-мыслитель.

Вильнюсский государственный пед. институт
Кафедра русской литературы

Представлено в апреле 1963 г.

ČECHOVAS IR MICHAILOVSKIS

M. D. SMOLKINAS

Re z i u m ė

Straipsnyje naujai nagrinėjami A. Čechovo ir N. Michailovskio santykiai. Aiškinama, kad tie santykiai buvo ne siauro asmeninio pobūdžio, bet giliai principiniai. Vaizduojant ir traktuojant XIX amž. pabaigos Rusijos gyvenimą, susidūrė du metodai: subjektyvinis sociologinis narodnikų metodas ir Čechovui būdingas materialistinis tikrovės suvokimas, narodnikų „romantizmas“ ir nuoseklus Čechovo realizmas.

Konfliktas su narodnikų mokykla yra pagrindinis idėjinis konfliktas Čechovo gyvenime ir kūryboje. Jis atsispindi daugelyje Čechovo laiškų ir kūrinių, kurie analizuojami pirmajame straipsnio skyriuje.

Iki šiol Michailovskio poveikis Čechovui buvo traktuojamas tik iš neigiamosios pusės. Toks požiūris turėjo tam tikrą pagrindą. Iš tikrųjų,

Michailovskis nesugebėjo suprasti Čechovo kūrybinio metodo novatoriškumo reikšmės ir jos įvertinti. Čia yra vienas iš narodnikų literatūrinės mokyklos krizės reiškinių.

Tačiau šis požiūris, kategoriškai laikantis, būtų vienašališkas. Tokiu atveju būtų prasilenkiama su daugybe faktų. Jie ir būdavo sąmoningai apeinami tų tyrinėtojų, kurie siekė, kad pasitvirtintų posakis: „Michailovskis visada prieš Čechovą“.

Iš laiškų, atsiminimų ir kitokios medžiagos aiškėja ir teigiama Michailovskio įtaka, kovojant prieš žurnalą „Novoje vremia“ už Čechovą, Michailovskio reikšmė sudėtingame Čechovo pasaulėžiūros ir jo kūrybos idėjiškumo formavimosi procese. Apie tai kalbama antrajame straipsnio skyriuje.

Trečiajame skyriuje trumpai apžvelgiami Michailovskio kritikos straipsniai apie Čechovą. Iškeliama daug taiklių ir teisingų pastabų, kurias padarė kritikas apie Čechovo meninį meistriškumą. Tomis mintimis vaisingai naudojosi vėlesnioji kritika.

Straipsnio pabaigoje iškeliamos dvi problemos, kurios dar reikalingos išspręsti. Norint kaip reikiant suprasti Čechovo epochinio konflikto su narodnikais objektyvų pobūdį, būtina yra grįžti prie narodnikų konflikto su rusų marksistais ir išnagrinėti temą „Čechovas ir rusų marksizmas“.

Paėmus visa, kas Michailovskio pasisakymuose apie Čechovą geriausia, reikia visiškai nugalėti jo koncepciją „talentas be pasaulėžiūros“. Tатаi neįmanoma be nuodugnių, rimtai argumentuotų mokslo darbų, atskleidžiančių Čechovo pasaulėžiūros esmę.
